

Надежда Ефремова

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Повести и рассказы

Надежда Ефремова

**Невыдуманные истории.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Ефремова Н.

Невыдуманные истории. Повести и рассказы / Н. Ефремова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933366-7

В книгу вошли популярные повести и рассказы писательницы. «Две свечи» — рассказ о мученическом подвиге двух человек, которые жили в прошлом веке, в трудные годы гонений на церковь. «Матушка» — автобиографическая повесть. «От истоков» — повесть о предках писательницы, живших на Донской земле.

ISBN 978-5-44-933366-7

© Ефремова Н.
© Издательские решения

Содержание

Две свечи	6
Матушка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Невыдуманные истории Повести и рассказы

Надежда Ефремова

© Надежда Ефремова, 2018

ISBN 978-5-4493-3366-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две свечи

I

Багровое солнце садилось за вершины Кавказа, окрашивая красивым ровным цветом их и небо вокруг. И сразу же ощущалось веяние прохлады. Я поежилась и запахла кардиган.

– У нас так, – сказал о. Иоанн, – после заката сразу становится холодно, как бы жарко днем не было. На то оно и предгорье...

О. Иоанн был среднего роста, с большими выразительными глазами и окладистой черной бородой, в которой уже проглядывала седина. Ходили слухи о его прозорливости, поэтому отовсюду к нему приезжали люди со многими вопросами и бедами, даже издалека. Стучали в окна с раннего утра. «Дайте батюшке хоть поесть!» – сетовала матушка. Иногда еда для о. Иоанна была непозволительной роскошью. Про сон уже говорить нечего....И сейчас, сидя с ним в беседке за чаем, я думала, не обременяю ли его...

– Так вот я отдыхаю, за чаем, – будто услышав мои мысли, сказал вдруг он.

– Батюшка, расскажите о своем детстве!

– Да что там рассказывать....Родился я в терской казачьей станице. Родители мои, к великому сожалению, были неверующие. Маму я почти не видел, она много работала, а отец страдал страстью пьянства (упокой Господи его душу!). И если бы не молитвы предков, может ни я, ни сестра моя (которая сейчас матушка), не воцерковились бы.

– А кто же ваши предки?

– Прадед мой канонизирован православной церковью, как новомученик.

– Расскажите о нем, пожалуйста!

II

– Ух, ну и жара сегодня, однако!

– Макушка лета!

Прихожане расходились по домам после праздничной службы Владимирской иконы Божией Матери.

– Хорошую проповедь батюшка рассказал, про смирение! – сказал староста церковный Степан Семенович.

– Да! А народу – то сколько было! И на улице даже люди стояли! – ответил Василий Киреевич.

– Соскучился народ по службе! Тяжело ведь без церкви! Как бы там большевики не говорили!

– А вот услышат тебя сейчас и донесут!

Время было тревожное.1937 год. Расцвет репрессий. Боялись слово сказать, ведь ни за что можно было загреметь в тюрьму, а иногда и на тот свет.

– Да что нам бояться! Господь с нами!

Односельчане попрощались и пошли по домам, один только Степан загляделся на поля, приложив руку ко лбу. «Красота-то какая, Господи!» Степан Семенович Митюшкин привык во всем видеть красоту творения Божия. Да и как тут не заглядеться: село Покров Нижегородской губернии (которая в 1936 году была переименована в Горьковскую область) расположено было на живописных холмах и полях, которым конца-краю, кажется, нет. Бывало, притихнешь, заглядишься вдаль, и чувствуется присутствие Божие. Как поэт сказал: «пустыня внемлет Богу!» И мысли сразу о Страшном суде... Степан начинал незаметно для себя молиться.... Вырос он в семье зажиточных крестьян, которые имели мельницу. Их раскулачили в начале 30 —х, теперь они питались только продуктами собственного огорода. Отец и дед были глубоко верующими, часто паломничали по святым местам, беря с собой детей и внуков. Помнит

Степан, как шел с дедом, уставши, начинал хныкать, а дед бросит палку: «а ну беги за ней!» И маленький Степа бежит, уже забывши про усталость. Так и добирались до места.

Предки Степана были недюжинной силы. Ходили слухи, что один из них ударом кулака быка завалил. Сам Степан был невысокий, коренастый, с широкими плечами и большими ладонями. Ему уже перевалило за 60, но в огороде он хорошо управлялся.

Церковь стояла на пригорке, так что издали можно было увидеть купола с крестами. На службу приехали трое батюшек из окрестных сел и множество прихожан из разных мест. Действительно, люди соскучились по церкви. Церковный староста Степан и местный священник хорошо знали, что идут на огромный риск. Но любовь к Богу и матери-Церкви была сильнее страха.

Дома его встретили жена и внуки. Дом был большой, и семья тоже большая. Всего у него было трое детей и пятеро внуков. Дочери вышли замуж, а сын привел в дом невестку. Два мальчика подбежали к деду:

– Здорово, что служба была сегодня!

– Дед, а я кадило держал!

– Что вы галдите, дайте деду поесть! Иди, я стол накрыла, – сказала его жена Екатерина. Обед был скромный, тем более что Петров пост.

– Ой, боюсь я, Степа, узнает председатель, накажут вас! Ведь колхозники с поля на службу сегодня сбежали!

– Господь просвещение мое и Спаситель мой! Кого убоюсь? Чему быть, того не миновать...

III

Сентябрь выдался теплым. Бабье лето началось рано. Теплое солнышко грело щедро. Митюшкины собирали урожай, который был богатым в том году. Утомившись, Степан лег спать рано. Приснилось ему, будто идет он по полю, а навстречу ему идет кто-то светлый, пшеница под ним не приминается. Зажмурился Степан от яркого света и услышал: «кто не берет креста Моего и следует вслед за Мною, тот не достоин Меня»...

Вдруг его разбудил стук в дверь.

– Кто там? – спросила Екатерина.

– Открывай!

Голос за дверью был злой и настойчивый.

– Открывай, а то будем ломать!

Екатерина открыла. В дверь ввалились группа людей, одетых в красноармейскую форму.

– Степан где?

– Спит.

– Буди!

– Здесь я.

– Вы арестованы.

Красноармейцы, ничего не объяснив, схватили его и вытолкали за дверь.

– Господи, что же это?! За что?! – громко причитала жена, плакали испуганные внуки.

Степана посадили в грузовик и повезли куда-то. Со сна Степан ничего не мог понять.

– Здорово, Степан!

В темноте он с трудом разглядел Василия Киреевича, Петра Лонского, Сашу Блохина и четырех священников. Все они были на службе в церкви на Владимирскую. Батюшки молились и часто осеняли себя крестом.

– Все, ребята, конец наш пришел... -сказал кто-то в темноте, – а я попрощаться не успел с домашними...

– Никто не успел, – сказал Петр.

О. Николай из Юсупова запел молитву «Царице моя Преблагая», ее подхватили другие. Так, всю дорогу они пели, молитвы, псалмы...

Уже почти рассвело, когда грузовик подкатил к зданию НКВД на Воробьевке. Всех вывели из машины и, обыскав с ног до головы, бросили в подвал.

– Простите меня ради Христа! – сказал о. Александр.

– Господь простит, и нас прости! – ответили другие.

Утром всех поодиночке стали хватать и уводить на допрос.

– Имя?

– Степан Семенович Митюшкин.

– Год и место рождения.

– 1874 -й. село Покров Гагинского района.

– Ты устроил службу 6 июля, тем самым отвлекая от колхозных работ население?

– Службу мы устроили. Но не с целью отвлечь крестьян от колхоза...

– Молчать! – Степан получил первый удар.

– Ты обвиняешься в антисоветской пропаганде. Считаешь ли себя виновным? Говорил ли против Советской власти на службе?

– Я на службе молился...

– За Советскую власть? – грубо прервали его. Раздался хохот.

Как следует, надсмеявшись над ним и избив до крови, его бросили обратно в подвал. Там уже лежали окровавленные священники.

– Следующий...

Повели Василия...

IV

В холодном сыром подвале провели они 8 дней. В камере стояло ведро воды с ковшом для питья. Иногда им бросали несколько черствых корок хлеба, которые с радостью грызли крысы. Еще реже приносили баланду, называемую «супом». О. Петр сильно кашлял, выплевывая кровь. Заболел он еще в ссылке, в которой провел два года, и только что, освободившись, попал снова в тюрьму. Сырость, ужасный запах параши, теснота (в маленькой камере теснилось десять человек), голод... От нехватки свежего воздуха и света лица их приобрели серо-голубоватый цвет. Постоянно были слышны выстрелы. Каждый день из этих подвалов выносились от 50 до 70 трупов.

Все они постоянно молились. Все земное ушло куда-то далеко. Страх смерти притупился. Смерть царствовала в этом подвале и была естественней, чем жизнь. Жена Степана нашла его и принесла передачку. Ее приняли, значит, он здесь. Некоторым женам не везло: много времени проводили они в поисках тюрьмы, где находится их мужья, потому что никто не сообщал, куда именно их увезли.

Если кого-то выводили, все заключенные знали, куда. Некоторым было достаточно иногда признать себя виновным, чтобы смягчить наказание... Заключенного выводили в специальную камеру. Выстрел в затылок... Врач подписывал заключение о смерти. Труп оборачивали в брезент и увозили в неизвестном направлении. Для мытья полов в этой камере была назначена специальная уборщица.

Спать на полу было неудобно, но Степан привык. Он забылся тревожным сном. На свете его разбудил крик: «Митюшкин!» Он поднялся. Священники благословили его. Необычайно спокойно он простился с односельчанами и пошел. Его переодели в другую одежду, повели в специальную камеру. От слабости подгибались ноги. Повернули лицом к стене. Он успел перекреститься: «Господи, в руке Твои предаю дух мой!» Удар в затылок. Необыкновенный Свет объял его...

V

– Где же их мощи, батюшка? – вытирая слезы, спросила я.

– Неизвестно. Господь весть...

Мне стало стыдно за мой недавний ропот и недовольство жизнью по пустякам. Чуть что, мы сразу жалуемся, потерпеть ничего не хотим. А люди святые вон что вытерпели...

– Да, на то они и святые... – опять ответил на мои мысли о. Иоанн. – Как свечи перед Богом горели. Святой мучениче Стефане, моли Бога о нас!...

Батюшка перекрестился и продолжал.

– Храм потом снесли в Покрове. Екатерина, жена Степана, успела вынести из храма иконы и спрятать у себя дома, иначе бы их сожгли. Когда храм-то сносили, ковшом экскаватора заделали могилы у алтаря. И рассказывают, что видели нетленные тела священника и девицы. Настолько нетленные, что волосы сохранились. А у девушки коса была длинная, она тоже сохранилась... Страшное было время... Но много людей тогда пополнили число Ангельское. Значит, так надо было... Вот, например, в нашей станице мой земляк пострадал за веру. Видите – родился там, где я, и служил тоже, где я служу. Хотя эти станицы разделяют 300 км. Совпадение? У Бога нет совпадений...

– А как его звали?

– О. Геласий... Хотите, съездим на могилу к нему?

– Конечно, хочу!

По дороге батюшка рассказывал.

– Было это на Сретение...

VI

После Всенощной в храм ворвались красноармейцы. Некоторые прихожане, поняв, в чем дело, начали выбегать друг за другом из храма.

– Значит так, да? Что за антигосударственное собрание?! Пережитки прошлого! Религия-опиум, понимаешь ли... – закричал один из них.

Видя, что народ разбегается, они начали закрывать двери. Осталось человек тридцать. О. Геласий попытался урезонить солдат:

– Что вы раскричались, милые?! Службу Богу мы здесь проводим, а не антигосударственную пропаганду!

– Ну, с этим мы еще разберемся! – сказали красноармейцы, выходя из храма и запирая его снаружи.

Народ был напуган. Бабы выли. О. Геласий пытался их успокоить. Старый алтарник молча, молился. В полночь батюшка сказал:

– Давайте, православные, Литургию Богу послужим. Праздник ведь.

О. Геласий за литургией причастил всех, причастился сам.

Потом, утомившись, народ лег спать кто на полу в церкви, кто на клиросе. О. Геласий молился всю ночь в алтаре. Господь открыл, что их ждет... Смирившись и успокоившись, он стал ждать прихода карательного отряда.

Тот не заставил себя долго ждать.

– А ну вставайте! Разлеглись тут... – раздался голос на рассвете.

Все жмурились от света.

Наскоро прочитав приговор, красноармейцы повели всех.

Бабы опять закричали, но о. Геласий сказал им утешительное слово, что ждет их жизнь вечная, будут они со Христом во веки веков. Благословив всех, батюшка запел:

– Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков.

– Аминь-подхватили алтарник и клирошане.

– Непорооочные в путь. Аллилуууя.

– Молчать! – закричал красноармеец и стукнул его прикладом.

Но батюшка продолжал:

– Блажени непорочные в путь ходящие в законе Господнем. Аллилуууя. Блажени испытующии свидения Его всем сердцем взыщут Его...

Все идущие знали, что о. Геласий отпевает их. Кто плакал, кто молился...

Во время ектеньи батюшка называл имена всех идущих. И свое тоже.

Шли долго, вот уже показались последние хатки. Все, кто выходил им навстречу, крепился и замирал, глядя им вслед. Многие всхлипывали. Родственники бежали вслед с плачем, но красноармейцы прогоняли их. Некоторые падали на землю с рыданиями. И только дети бежали вслед за ними, прячась, до самого конца. Они и были свидетелями страшной расправы.

Батюшка служил давно, поэтому знал наизусть отпевание, все молитвы заупокойные...

Когда пришли на глиняные ямы (оттуда брали глину для печей), всех выстроили в ряд, прочитав еще раз обвинение, начали расстрел. Дети видели из-за кустов, что святые взялись за руки, и лица их засияли ярче солнца.

– Боже духов и всякия плоти, смерть поправый и диавола посрамивый... – батюшка успел за дорогу пропеть весь чин и теперь читал последнюю молитву, произносил имена расстреливаемых. Себя он попросил расстрелять последним, чтобы успеть дочитать молитву. Произнеся имя последнего и свое под конец, закончил – всегда ныне и присно и во веки веков. Во блаженном успении вечный покой подаждь Господи всем убиенным за веру рабом Твоим и сотвори им вечную память. Веееч...

И тут раздался выстрел. Не успел допеть...

– Вечнаааая пааааамять-затянул о. Иоанн на могиле о. Геласия...

Матушка

Она родилась в мегаполисе, где зимними ночами небо было розовое от смога. Где человек, выйдя из дома, растворялся в безликой толпе. Где дома все были похожи друг на друга, и легко можно было заблудиться...

В палату вошел врач и задал привычный вопрос. Услышав привычный ответ, недоумевал: «Как можно так хотеть ребенка?! Ведь опухоли все равно не дадут ему расти!» Но операцию решено было отложить из-за плохой свертываемости крови. Какая-то бабушка подошла и сказала: «Дочка, а ты читай Живые помощи» и протянула бумажку с текстом 90-го псалма. И это помогло! Произошло чудо: родила без операции здорового ребенка!

Так вышло, что церкви сопровождали ее по жизни. Даже когда она еще не была крещеной. Мать с младенцем поселились в здании бывшей церкви Живоносный Источник, переоборудованной под жилой дом. Условия бытовые ужасные, крысы. Наконец-то им дали квартиру. Двухкомнатную, но с соседкой. Район назывался Молитовка. Раньше здесь была церковь, и путники останавливались на молитву. Жаль, церковь снесли... Соседка была немирная. Скандалы разрушали детскую душу. Поменяли двухкомнатную на 2 однокомнатные. Опять же рядом с церковью. В миллионном городе осталось только 2 действующие церкви. Хотя и некрещеная и не знала молитв, душа ее тянулась к церкви. Она часто туда бегала, разглядывала росписи на стенах, слушала хор.

Первые стихи свои она написала в возрасте 4 года. Писала и сказки, еле выучившись писать, большими печатными буквами. Какой-то художник, увидев эти сказки, пророчил ей большое будущее. Нарисовал даже рисунок: девушка печатает на пишущей машинке. И подписал: Вера печатает свои сказки.

Она любила петь. Пела, еще не умея говорить. Кричала: «ля» вместо обычного «уа». Все говорили: «будет певицей». Да и первыми словами ее была песня. Она так долго не разговаривала, что знакомые советовали матери показать ее врачу. Но как-то подходя к комнате, мать услышала пение: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...» «Почему же ты молчала, если умеешь говорить? Стеснялась?» Дочь, молча, кивнула. Потом ходила и пела в скалку как в микрофон. Потом начала сочинять музыку. Чтоб записывать свою музыку (нот она еще не знала) пошла и сама записалась в музыкальную студию возле дома. Там заметив талант, ее перевели в музыкальную школу, сразу во второй класс. На вступительном экзамене она уже играла свои произведения.

Время шло. Вот уже позади 2 школы. Поступала в педучилище на музыкальное отделение и не прошла по конкурсу. Пришлось вернуться в 9-й класс и оканчивать общеобразовательную школу. Школу она не любила: злые одноклассники издевались над ней, ломали вещи, плевали в пенал, портфель закидывали в мужской туалет, обзывались. Она молчала. Наконец сдали нервы. Началась депрессия. Она не выходила из дома. Спутала день с ночью. Днем спала, ночью сидела, о чем-то думая. Мать замучалась, показывая ее врачам. Наконец решила пойти в церковь, благо она рядом. Там купила иконку Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и долго плакала и молилась. Где ей знать, что дочь родилась в день празднования этой иконы. Ночью ей приснился сон: Божия Матерь сошла с иконы, дотронулась жезлом до дочери и говорит: «Не трать времени на врачей! Она не больна. Ей нужна вера». Дочь, проснувшись, побежала в церковь-принимать Таинство Крещения. Словно кто-то толкнул ее. В этот день не крестили, выходной. Пошла на следующий день. Опоздала, но ее пустили. Все стояли в кругу и что-то повторяли за пожилым батюшкой. Ее заставили плевать, она никак не могла понять: как можно это делать в Церкви?! Дальше священник мокнул ее головой в купель трижды. Прибежала мать. Ей сказали взять молитву. Священник что-то прочел над ней. Удивленная мать спросила: «а где взять молитву?» Ей ответили, что священник ей уже дал...

Из церкви она не шла, а, казалось, что летела. Теперь на ее груди был крестик! Что такое «депрессия», она забыла.

Поступив с 3 го раза в политехнический институт и проучившись, год, она поняла, что это – не ее. Что ее призвание-все же музыка! Она работала в библиотеках (куда ее устроила мать, будучи сама библиотекарем) и кладовщицей на телевизионном заводе (к ужасу матери). Спустя 6 лет после окончания музыкальной школы, она поступила в музыкальное училище. И была очень счастлива! К тому времени она часто ходила в церковь. Почти каждый день. Особенно в летние каникулы. К этому подвигла еще и болезнь матери. Она часто молилась перед иконами в церкви о здравии матери. Втайне помолившись о том, чтобы какой священник первый выйдет из алтаря, тот и станет ее духовником. Вышел о. Павел. Она была рада и не совсем. Ей хотелось видеть духовником своим о. Олега. Он казался ей духовным. Даже стих про него написала. А о. Павел освящал их квартиру и знал семью. Поэтому она, смирившись, пошла за ним. Окликнув его, она попросила разговора. Придя в назначенный день, его не оказалось. Но она упорно дождалась батюшку. Выплакав боль о болезни матери, получив утешение и благословение быть его духовной дочерью, ушла довольная. С тех пор она часто приходила к нему. После исповеди и Причастия Святых Таин, было то же ощущение, как и после Крещения. Как-то раз, когда она ждала о. Павла, какой-то молодой человек в подряснике вышел из церковной машины и побежал в дом причта. Вроде бы ничего особенного, но глаза его остановились на ней. Странно: казалось, что ноги его бежали, а глаза были неподвижны, смотрели на нее. Ей стало неловко: почему он так смотрит? Потом, когда она пришла к батюшке, он же вышел из дома причта и спросил: кого она ищет? Она ответила, но тут его позвали. В другой раз она пришла к батюшке, увидела молодого человека снова. Он сказал: она искала о. Павла, он сидит в трапезной и пьет компот. Ей стало смешно и показалось, что она его знает много лет. Во время разговора с о. Павлом, он зашел к ним и что-то передал батюшке. Когда он вышел, батюшка спросил: нравится ли ей этот человек? Она ответила: «хороший человек». «Ну, вот я вас и поженю» – сказал довольный о. Павел. Объяснил, что он готовится принять сан, и ему нужна жена. Она закрыла лицо руками и сказала, что недостойна. На следующий день он окликнул ее после службы:

- Девушка, вы не могли бы помочь церкви?
- Конечно! А что надо делать?
- Ударить в колокол.

Она всю ночь представляла, как она будет ударять в колокол и каково было удивление, когда она увидела три маленьких колокольчика, и Володя (так его звали) сам успешно с этим справлялся. А вот высоты она боялась. Колокольня была без загородки, и она в ужасе присела на краю, ожидая конца колокольного звона. «Вы сумасшедшая! зачем же лезть так высоко! Есть же звонарь» – говорили ей потом прихожане.

Роль матушки казалась ей пользующейся уважением среди прихожан. И от предчувствия будущей славы слегка кружилась голова. Не знала она, что ждет ее вовсе не слава, а тяжелый крест...

Они встречались каждый день на службах, ездили в другой храм, тот, что послужил знакомству. Старинный строгий храм св. Михаила-Архангела. По преданию в нем хранились мощи Минина, нижегородского мясника, бросившего клич о создания войска в борьбе с поляками.

На 3 -й день знакомства он вдруг помолчав немного, сказал: «Становись матушкой!» Конечно, это предложение вызвало положительный ответ, т.к. уже несколько дней она ждала именно этого. Он сразу, вздохнув с облегчением, увлекся обсуждением планов на будущее: съездить к сестре в Кострому (она тоже матушка), в Оптину пустынь за благословением у духовника и в Троице-Сергиеву Лавру к мощам преп. Сергия Радонежского. Выехали через день. В Костроме остановились у Степановых – семья почившего священника, которого почи-

тали за святого. Детей у него было 8- шестеро сыновей и 2 дочери. Сыновья пошли по стопам отца. И за одного из сыновей вышла замуж сестра Володи. Матушка Маргарита (жена покойного батюшки) – светлая гостеприимная и простая женщина, встретила их как родных. Сестра подарила свадебное платье, в котором венчалась сама. Они посетили Ипатьевский монастырь, бывший тогда еще музеем. Найдя там под стеклом икону с кровью Спасителя, капавшей с Креста, спросили разрешения работников музея-приложиться к ней. «Пожалуйста, у нас все к ней прикладываются!» – ответила добродушная женщина. Потом поехали в Москву, автостопом и пешком через лес до Оптиной Пустыни. Духовник оказался болен и ее не пустили в келью, но Володя сам к нему ходил, взял благословение на брак. Ей приснился сон: подходит монах и Володя и монах благословляет ее. Потом на фотографии она узнала этого монаха, это и был тот духовник... В гостинице не оказалось места, ей пришлось спать прямо в храме, на клиросе, напротив мощей св. Амвросия Оптинского. Утром ее разбудил послушник: начинается братский молебен. Служба запомнилась: тихая, очень молитвенная, в отличие от городских концертных служб. Пение тихое, стройное, смиренное. Потом Троице-Сергиева Лавра. Поразила ее красотой куполов.

Повенчали их в той же церкви, в которой она приняла Таинство Крещения и встретилась с будущим мужем. Она расстраивалась еще, что долго не венчают, они же месяц уже знакомы! Без пышного торжества, в кругу близких знакомых. Через 5 дней после венчания (никакого медового месяца) его рукоположили в диакона. В храме св. Михаила-Архангела, где они удаляли в колокола. Во время сорокоуста он жил в церковной сторожке. Она приходила к нему каждый день после учебы, купив его любимые пряники и кабачковую икру. Потом хиротония в иерея. И сразу же отправили на приход. Она осталась одна. Много плакала, скучала. Приход был очень далеко от города, на автобусе 6 часов езды. Село, имение Пашкова (того самого, что построил библиотеку в Москве). В нем находился дворец, парк с ручными белками и храм, большой собор. В советское время дворец занимал аграрный техникум, а в церкви сделали клуб и кинотеатр. В приделе св. Архангела Михаила показывали кино. Как-то перед началом сеанса киномеханик возился с пленкой и был один. Вдруг услышал стройное пение. Подумал, что показалось. И вдруг кто-то крикнул ему прямо в ухо: «Иди отсюда!» Он в страхе бежал... И снятие креста с собора было знаменательным. Откуда нивозьмись налетел рой пчел и покусал работников. Но крест все же успели скинуть... Она любила приезжать в это село. Бродить по парку, спускаться к реке, любоваться красотой дворца и собора. Но часто ездить было неудобно. Поэтому перед ней стал выбор-или муж или учеба. Она бросила любимую учебу... Муж был против, но если бы он, хоть раз оторвался от прихода и приехал в город или хотя бы позвонил... Странно, что когда она переехала к нему в село, стала помогать в церкви: клеила иконы, пела и читала на клиросе (службу никто не знал, бабушкам надо было показывать что петь дальше), он вдруг уехал. В Кострому к сестре, к духовнику и она опять осталась одна. Как-то занимаясь стиркой, она услышала, что в дверь стучат. Открыв дверь, увидела женщину, которая сообщила, что ее мать попала в автокатастрофу и лежит в больнице в каком-то городке. Она собралась и побежала на трассу. Автобусы уже не ходили. Решила ехать автостопом, смело протянув руку у дороги. Машина остановилась быстро. Благообразный мужчина с бородой довез до полпути. Вышла. Поле заснеженное. Никого. Проезжавшая машина остановилась. Проехав немного, водитель сообщил, что машина сломалась. Одна в поле с незнакомым мужчиной. Но он быстро починил, поехали дальше. Доехав до больницы, она нашла свою мать. Всю в синяках. Она сообщила, что никто не пострадал, кроме нее в автобусе... Надо было возвращаться. Дошла пешком до окраины городка, остановила машину. Довезли до перекрестка. Вышла. Одна в чистом зимнем поле. Солнце садится. Ни души. Стало страшно. И тут она стала молиться. Не помнит уже, что же она пообещала Богу, лишь бы кто-то посадил ее, довез до дома. Ни одной машины. Она пошла пешком. Навстречу заходящему солнцу. Встретила старушку, которая сообщила, что до села 18 км. И тут она услышала звук трактора. Бабушка

замахала рукой, чтоб остановила его. Трактор остановился. Молодой тракторист весело спросил: «никогда не ездила на тракторе?» «Никогда». И только они тронулись, страшно подскакивая на каждом метре, машины одна за другой стали обгонять их. Водители весело подмигивали трактористу, увидев у него в кабине девушку. Он решил прикадрить: «Ну и чем ты там занимаешься? Учишься? работаешь?» «я-жена священника». Эти слова так подействовали на него, что всю оставшуюся дорогу он молчал.

Вернувшись домой, она почувствовала приступ тошноты. Чем-то отравилась-подумала она. На следующий день приступ повторился. Потом рвота. Тут она вспомнила про задержку, и все стало ясно. Она беременна. Когда вернулся муж, она боялась ему сообщить. Но он, узнав, обрадовался. Она почему-то была уверена, что это-девочка... На приходе дела складывались не лучшим образом. Доход был мизерным. Петь было некому. И муж попросил архиерея перевести их на другой приход. Дали направление в провинциальный город, недалеко от крупного промышленного города. Собрав свои небольшие пожитки, они отправились туда на электричке. Встретил их староста. Бывший служащий МВД. Принял радушно и определил жить у себя в доме, потому что жилья у священнослужителя на приходе не было еще. Церковь была двухэтажная, строящаяся. До этого служил многолетний священник, но его почему-то перевели. Дом у старосты был большой, семья-трое взрослых детей (младшая дочь замужем за диаконом), сын-семинарист учился в Сергиевом Посаде. Дочь училась там же на регента. Хор в церкви был небольшой, но стройный. Пели учительницы муз. школы и любители. Она легко вписалась в коллектив. Диакон (красивый молодой человек, довольно вспыльчивый) не ладил со старостой. Вскоре псаломщица, поругавшись с ним, ушла. Пришлось матушке занять ее место. Службу тогда она знала плохо. Были паузы. Диакон, обиженный, отказался помогать. Было комично: пауза в служении, матушка кричит в алтарь: «что дальше петь?» Диакон молчит. Потом не выдерживает и подсказывает. Наступил Великий Пост. Она, вооружившись обиходом, хорошо проводила службы. Ей нравилось. Даже утренняя рвота не могла ей помешать. Живот рос. На Пасху уже трудно было его не заметить, хотя беременность первая. Староста приобрел им домик недалеко от церкви. Но скрыл, что в доме было совершено самоубийство. Женщина отравилась, оставив шестилетнего сына. А в соседях жила старушка-старообрядка, которую считали колдуньей. Первым делом стали освящать дом. В нем было 2 комнаты. Поставили свечки в стаканчиках с солью в каждой комнате. Когда начали читать чин освящения, в комнате, где женщина покончила собой, раздался треск. Прибежав туда, увидели, что стаканчик треснул, свеча погасла. Кому-то не понравилось, что дом освящался... Однажды все проснулись утром от женских рыданий. Как говорится, с ума поодиночке сходят, а не все вместе. Тут же рыдания стихли. Может самоубийца плакала о сыне. Наверно хотела забрать к себе ребенка. Позже, когда родился ребенок, она пыталась несколько раз это сделать. Во всяком случае, было похоже на это. Когда дочери было 8 месяцев, она прибежала на крик и увидела дочь в луже крови: она, пытаясь встать, табуреткой отрезала себе кончик мизинца. И позже, ребенок выпал из машины на полном ходу, но осталась жива. Когда ее спросили: зачем она открыла дверь?, она сказала, что мальчик какой-то заставил ее это сделать. Никакого мальчика, конечно, не было в машине. Но ребенка все-таки забрала к себе покойница. После в этот дом въехала молодая семья с грудным ребенком. Мать, очевидно нетрезвая, уснула, и ребенок, лежавший рядом, скатился на трубу отопления и испекся, насмерть...

Воды отошли в 3 часа ночи. До роддома был неблизкий путь. Пока ехала Скорая, она успела помолиться на коленях перед иконой Божией Матери «В родах помощница» и, успокоившись немного, поехала рожать. Схватки становились все сильнее. Первые роды были долгими-10 часов схваток. Родилась дочь. Двоюродная сестра мужа говорила: «если первая родится дочь, муж будет ее любить больше сына, который родится потом». Ее назвали Марией. Медсестра пригласила за сыном в следующий раз. Так и случилось. Через год и 7 месяцев родился сын Иван. Родители возлагали на него большие надежды: они воспитывали его по всем

правилам, которые вычитали у о. Артемия Владимирова, известного проповедника того времени. Зашевелился он в утробе, когда она подходила ко причастию. Всю беременность пела и читала на клиросе. К тому времени дочь старосты регентовала на клиросе, окончив регентский класс. Рожать увезли почти из церкви, служили Вербное воскресенье. В ночь на страстной понедельник родился сын. Крестили его в честь св. Иоанна Крестителя.

Батюшка решил строить свой дом и поехал за благословением к митрополиту, зная его строгий нрав. Тот дал благословение на строительство. Но только дом был почти достроен, пришел указ о переводе. Оказалось, что староста и некоторые члены двадчатки написали жалобу архиерею. И он, разгневавшись, послал их на самый бедный приход, где церковь только строилась. Старшей было 2 года, младшему полгода и он только перенес бронхит. Батюшка был в растерянности и поехал в Кострому – просить архиерея взять их в свою епархию. Архиереи переговаривались по телефону. Митрополит ругал молодого священника. Архиепископ Костромской отвечал: «ну и отпустите его, раз он такой плохой» Вроде бы договорились. Дали хороший приход уже. Батюшка ехал за семьей и вещами. Как вдруг дома его ждала неожиданность-передумал митрополит, и дал ему приход. Небедный приход. Храм большой стоял на трассе. Раньше в нем была автозаправка в советское время. Несмотря на благоговейное название села-Богоявление, дела там творились вовсе не благочестивые. Говорят, прежний священник развелся с матушкой и женился на другой. Жилья для священника не было. Их разместили в маленьком домике, без удобств. Когда муж уезжал достраивать дом на прежнем приходе, она оставалась двумя детьми одна, было очень тяжело. Ведь она даже не умела затопить печку. Поэтому она упросила мужа продать недостроенный дом. В этом домике, по всей видимости, проходили свидания священника с его пассией. Наверно это послужило поселению в нем нечистой силы. Прежний батюшка говорил, что в сенях кто-то ходит. Поэтому тренировался в метании ножики в дверь. Поэтому она была вся в следах от ножей. Когда она осталась одна, за спиной кто-то так прыгнул, что посуда затряслась и чуть не разбилась. Однажды она наступила на что-то мягкое. Подумав, что это хвост кота, убрала ногу. Но тут увидела, что кот идет по улице, значит, дома не было никакого кота. Стало жутковато. Потом, когда они переехали в построенный дом для священника (он находился в церковной ограде), там ждали свои сюрпризы. Когда она осталась в доме одна и дочитывала под лестницей молитвы ко причастию, в пустом доме слышались шаги. Они приближались к ней. Кто-то постучал в окно, выходившее на лестницу. И вот кто-то стал спускаться по лестнице. Вначале она старалась не отвлекаться от чтения молитв, но когда поняла, что сейчас увидит КТО ЭТО, в страхе выскочила на улицу. И потом долго боялась заходить обратно. Правда муж сказал, что это просто страхования, и возможно она никого бы не увидела....

Псаломщик, служивший в храме, уволился. Пришлось матушке опять руководить клиросом. Но певчие не хотели слушаться. «Как пела, так и буду петь!» – кричала одна из них. На спевки не являлись. Показывали свое недружелюбное отношение к матушке. Но службы кроме нее никто не знал. Пришлось старосте выписывать псаломщику из регентского училища. Приехала совсем молоденькая девушка. Ее смешили распевы и пританцовывание певчих. Но ее пришлось им слушаться-староста ведь платит ей. К тому времени члены церковной двадчатки (к смеху сказать, фамилии были как на подбор-Фарисеева, Жадеева, Сатанова) начали возмущаться батюшкой. На собрании священник просил: «если будете убирать нас, то не зимой, пожалуйста! Мы ведь третьего ребенка ждем!» «Нет, что вы! Конечно!» В церковном доме было холодно, и батюшка попросил построить в доме русскую печь. Староста согласилась. Но когда печь была почти достроена, прибежала одна из двадчатки и стала кричать на печника. Потом побежала, накричала на старосту. Та со страху приказала сломать печку. Почему – никто так и не понял. Печь разобрали по кирпичам до конца. «Ну, что ж, значит надо померзнуть нам с детьми» – сказал батюшка...

Как-то, когда только узнали, что будет третий ребенок, гостили у Степановых. Она спала в кабинете о. Владимира. По дороге она роптала насчет переводов с прихода на приход. «А дети пойдут в школу, тоже будут из одной школы в другую прыгать?!» И ночью ей снится сон. Обычно батюшка не верил снам, как учит Церковь. Но этот сон он велел рассказать Степановым. Снится ей священник, в очках, немолодой. Она жалуется ему на переезды, а он отвечает: «Что вы такая малодушная?! Господь все устроит! По сути приходов нет, есть Единая Святая Апостольская Церковь» Такого ответа она не ожидала. «А вы где служите?» «В Успенском» – ответил священник... И так получилось, что пока дети учились в школе, никто их не переводил...

Храм и дом стояли на трассе. А мимо пешком проходили странники. Путь их лежал в Дивеево. Некоторые приходили и просили ночлег. А однажды матушка вышла и вздрогнула: в коридоре стоял странник. «Вас покормить?» – молчит. Она покормила его, он, молча, встал и пошел дальше. Может обет молчания дал? Как-то промокнув под дождем, матушка получила боль в спине (люмбаго, прострел по – народному). Было больно разогнуться и пошевелить ногой. Тут как раз проходил монах. Нестор его звали. Внимательно посмотрев на нее, он ушел. Потом вернулся и сказал: «Бес уныния вас одолел. Я молился о вас. Читайте псалтирь и Евангелие. Сколько кафизм, столько же глав Евангелия». Помог искупать сына 2-х летнего и ушел. Она прочитала всего полкафизмы и полглавы из Евангелия. Встала, в спине что-то хрустнуло, и она разогнулась!!! От радости побежала к монаху! Он стал целовать иконы в церкви, потом руки матушки, повторяя: «это чудо!» А ведь раньше без уколов этот прострел не проходил...

Как-то матушка с дочкой слышали пение в закрытом храме. «Ангелы поют!»... Был случай, что один строитель заблудился в церковном подвале. Ему навстречу вышел светлый юноша и вывел его наружу. Дивна дела Твоя, Господи!

Как-то утром в дом ввалились члены двадцатки. «Где батюшка?» – кричали они. Матушка, только что проснувшись, ответила, что не знает. Ее тошнило (токсикоз, третьего ждали). «Как это матушка не знает, где батюшка?! Надо архиерею написать!» – не унимались они. И написали. Довольно странное послание. В письме было подчеркнуто митрополитом: «крестит по-католически». Еще какую то ерунду вроде того, что поставил бочку во дворе, завел козу. Архиерей, толком не разобравшись, или в гневе, дал указ: «в заштат». А это значит – безработный. На улице мороз, надо было срочно освобождать церковный дом. Двое маленьких детей, беременность уже 8 месяцев... Матушка помнит ввалившиеся, полные ужаса глаза батюшки. «Надо переезжать в Кострому, успеть до родов. Уехал. Она осталась одна на приходе. Все отвернулись. Перестали приносить продукты, молоко. Но тут вернулся с учебы благочинный. Поехав к архиерею и уговорив его, получил приказ: вернуть священника на приход. Но ему дали приход в Костромской епархии уже. Город Шарья. Второй по величине город в Костромской области. «Ты обдумай все, взвесь, перед тем как ехать» – говорила батюшке сестра. «Я скоро детей голодных буду взвешивать» – ответил он. Духовник также не одобрял переезд. «И Владыка под Богом ходит». И он был прав. Через год митрополит скончался. Прозорливый санаксарский старец говорил: «вот умру я, потом митрополит, а потом настанут трудные времена для епархии». Так и было...

По дороге в Шарью они чуть не попали в аварию. Может это знак? Машину завертело на скользкой дороге и понесло в овраг. «Господи помилуй!» – успела выкрикнуть она. И машина зацепилась передними колесами за бревно, повиснув над оврагом... В Шарье их приютила женщина, отдала им квартиру на время. Через неделю попросила их освободить помещение. Потом выяснилось, что ей сказали, что они-колдуны. «Вы бы сказали раньше, я бы не перевез семью сюда!» – сказал батюшка. Жить им в Шарье было негде. Вот закончилась служба, они сидят в церковной сторожке. А им некуда идти. У настоятеля двухэтажный церковный дом. Они надеялись, что настоятель пустит их к себе. Но матушка настоятеля сказала: «нет, нам это будет тяжело». Вот подходит к ним женщина и говорит, что пустит их в свою

квартиру, а сама с детьми уйдет к матери. Они обрадовались. Квартира хоть однокомнатная, но со всеми удобствами. Через месяц родилась дочь. Ей показалось, что кто-то светлый пришел в этот момент ушел... Смерть похожа на роды, думала она. Там и здесь боль. Там душа уходит в иной мир, здесь человек рождается на свет. Тут медперсонал, там Ангелы... Дочь назвали Ниной, потому что был праздник св. рапвноап. Нины. Батюшка служил проскомидию, когда ему сообщили, что родилась дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.